

Туда, где пахнет яблоком и хлебом,
Туда, где Бог людей своих хранит,
Под русским не кончающимся небом,
Где всё и вся — по-русски говорит.

Владимир Шемшученко

Совместить гражданскую тематику с пейзажными и собственно лирическими стихотворениями удаётся далеко не всякому автору. Подобное свойство таланта присуще, как правило, только большим поэтам. Во всех остальных случаях одни творческие приоритеты, теряя выразительность и единственность художественного высказывания, уступают другим — и перед читателем предстаёт по преимуществу либо трибун, либо певец затаённых переживаний.

Стихи Владимира Шемшученко почти всегда остросоциальны, их отличает жёсткость национальных и родовых акцентов, духовная определённость. Эти приметы воплощены в интонации, в словаре, в логике развития сюжета и его контрастах. С полным правом их можно отнести к «поэзии мысли». Однако образность и способность поэта совмещать далёкое с близким и мгновенное с вечным выходят за границы подобного лирического ареала и рождают вещи поистине нежные и тонкие.

Новая книга стихотворений Шемшученко «Мысль превращается в слова¹» знакомит нас с автором во многом универсальным, а название сборника словно бы говорит, что слова, напитанные мыслью, притягательны и широки, глубоки и подчас самодостаточны, поскольку в них живёт красота, которая выше всякого рационального суждения. И в заглавном тезисе книги самым важным оказывается *превращение*.

Шемшученко здесь предстаёт фигурой неожиданной в каждой последующей строке. Он может проявиться тихо и доверительно, в жанровом отношении — занимательно. И вдруг возникает сюжетный поворот — или, точнее сказать, сюжетный перелом, — и образ автора становится предельно отчётлив, а речь его обретает твёрдость и непрерываемую интонацию. В новом сборнике он кажется более лиричным по сравнению со своим литературным обликом прежних лет. Большой цикл стихотворений «Марине» является в этом смысле

центром книги, в которой, разумеется, есть и другие тематические позиции. Однако такое единство любви и призвания, экзистенциальной тоски и социальной рефлексии, природных картин и жанра делают эту вещь своего рода «художественным позвоночником» всего корпуса представленных вниманию читателя поэтических повествований.

Чиркну спичкой — и станет светло,
И в оконном стекле отраженье
Передразнит любое движенье,
И рука превратится в крыло...
...

Вспомни, как не плясал под чужую дуду,
Как старался в дугу не согнуться...
Не гони меня — я без тебя пропаду,
И стихи по земле разбредутся.
...

Я вижу рождение зла и добра
В лучах отражённого света.
Я знаю, как чёрная смотрит дыра
Из табельного пистолета.
...

Перебранка полешек, бормотанье огня
И волос твоих рыжих волнующий запах...
Я тебя назову — свет осеннего дня,
Или лучше — предзимье на заячьих лапах.

У Шемшученко в построении сюжета очень большую роль играет созерцание. Причём автор, глядя в пейзаж или ситуацию, не остаётся вдалеке от событий, но как-то неуловимо к ним приближается, будто скользя и тем самым преодолевая дистанцию. В этом есть элемент кинематографа, хотя чувство меры позволяет поэту погасить движение и остановиться вовремя, не превращая дальше в фантазмагорию деталей, что так примечательно в текстах модернистских авторов. Он помнит, что «Россия — это тишина», а русское созерцание приближает человека к самой материи бытия, преображая быт, который на деле — только малое, самое начальное средство, необходимое для прозрения.

.....

1. Владимир Шемшученко. Мысль превращается в слова. Избранные стихотворения. — СПб, 2020.

Человеческая память живёт в природе, в её не-рукотворных составных частях—реке, поле, лесе, которые однажды могут воспалиться и восстановиться эпизоды прошлого: в печали—и радости, в беспощадном ужасе—и щедрости измученного сердца. Вот почему так много биографических отсылок в стихах поэта к истории рода и дружбе с корневыми, прошедшими жестокие испытания людьми, порой со страшной судьбой, но с не засохшим сердцем.

...Ты слышишь, как растёт трава
Из глаз единственного брата...
...
Он был болен и знал, что умрёт.
Положив мою книгу на полку,
Вдруг сказал: «Так нельзя про народ.
В писанине такой мало толку».
Я ему возражал, говорил,
Что традиции ставят препоны,
Что Мефодий забыт и Кирилл,
Что нет места в стихах для иконы.
«Замолчи!— оборвал он.— Шпана!
Что ты согласишь? Поэзия—это...»
И закашлялся. И тишина...
И оставил меня без ответа.

Русское начало у Шемшученко никогда не пряталось и не отрекалось от самого себя, он—человек наследства. Красный и белый цвет в его строках постоянно спорят друг с другом, будто имперская Россия и её советское воплощение. Ни один цвет не берёт верх постоянно. Эти краски, каждая по-своему, дороги автору и вошли в его плоть и кровь. Между тем он с болью понимает, что сегодня русский человек на родной земле стал фигурой неприкаянной. Исполдволь, более изображая, а не называя вещи должными именами, поэт предлагает читателю мизансцены, в которых азиатский уклад теснит изначальный, славянский:

Всё назойливей запахи кухни восточной,
Но не многие знают—так пахнет беда.

У него чрезвычайно обострено вглядывание и вслушивание в реальность. Он чувствует: что-то происходит,—и обозначает—*что*. Осязает всей кожей: какие-то события готовятся и вот-вот свершатся,—и обозначает—*почему*.

Проснусь среди ночи, как в детстве, луну отдышу
В замёрзшем окошке, и свет снизойдёт к изголовью...
У Господа я всепрощенья себе не прошу,
Я только молю, чтобы сердце наполнил любовью.

Когда надо мной в одночасье нависнет вина
За то, что себя возомнил и судьёй, и пророком,
Я чашу раскаянья радостно выпью до дна,
Чтоб сын, повзрослев, из неё не отпил ненароком.

Многие приметы настоящего и прошлого Шемшученко показывает вскользь на фоне размеренной интонации лирического рассказа. Сочетание мелькнувшей жизненной грани, острой и рьяной, со спокойной сюжетной основой оказывается на редкость пронзительным. Точно так же построены и подготовлены почти все финальные строки самых важных стихотворений поэта. Примечательно, что, когда он пишет о природе или о любви, о быте или о творческом призвании, у него совершенно непредсказуемо, но очень естественно в строке возникает человек русской идеи, русского уклада и русского характера: («Как всё просто, по-русски, без глупых прикрас»; «...от безбожных отцов не рождаются русские дети»; Я—смирнейший подмастерье, / данник русского языка»; «Мы ляжем в нашу землю здесь, мы не уйдём, мы коренные, / И рюмку водки с коркой хлеба оставим на краю стола»).

В художественном созерцании поэта есть одна важная особенность. Соприкасаясь с большими вещами, он не умаляет собственную мысль, не принимает свою зримую малость в виду огромных окружающих предметов. Он—их часть, которая столь же велика. Это слияние человеческого космоса—с космосом вещественным, слияние *на равных началах*. Потому что *видимый человек* есть только тень *человека подлинного* («...Между небом и мной—неразрывная нить»; «...тучи тычутся в колени / И тают от тепла руки»; «...заново научишься дышать / И чувствовать губами привкус звука»).

Не в последнюю очередь в таком мироощущении сказывается происхождение автора. Он может посетовать на «западный» Петербург, который ему куда ближе срединной и пёстрой Москвы («Всё никак не привыкну к лесам и болотам, / Не хватает простора глазам степняка»), однако все его стихи о городе теряются на фоне более общих сюжетов. Кажется, что в них нет сверхзадачи, лирического откровения. И в том—совсем не изъян поэта Владимира Шемшученко, тут видны бытийные провалы *города* как такового. Наверное, мы вплотную подошли к черте, отделяющей органичную жизнь от искусственной, вольное и радостное присутствие в мире—от выморочного и безысходного. Близость подобной вехи в той или иной степени сказывается на всём строе современного ума и душевного обыкновения—в России это кажется несомненным...

У берега вода чиста и холодна.
Прозрачные леса отчаянно красивы.
Плесни-ка мне, дружок, карельского вина,
Затеплем костерок—ну, хоть у этой ивы.

Она среди камней стоит, едва дыша,—
Объятия ветров настойчивы и грубы...
Мы наберём с тобой сухого камыша
И для неё сошьём из дыма лисью шубу.

Как дышится легко! Как звёзды высоки!
И воздух не горчит, а первым пахнет снегом...
Я подниму с земли листочки-лепестки,
И глубоко вдохну, и выдохну: О-н-е-г-а...

Говоря о превращении замысла в слово, необходимо обозначить творческие черты поэта, который, собственно, и осуществляет это, без преувеличения, волшебство. Фигура его противоречива, своенравная натура позволяет ему без церемоний, «прямо в губы», целовать слова. Хотя такой облик во многом напускной: автор вслушивается в звучание речи и искусно организует её, оживотворяя художественными образами — и уходя от первоначальной сухости тревожащего сердце и душу замысла («Подснежник скукожился в банке, / Как ставшая былью мечта»). Поэт рисует нравы литературной среды в духе традиций Блока и Есенина, одновременно насыщая сюжет отблесками социальных явлений, драматизмом судьбы художника.

Позарастала жизнь разрыв-травой.
Мы в простоте сказать не можем слова.
Ушёл, не нарушая наш покой,
Безвестный гений, не нашедший крова.

УШемшученко есть очень мудрое стихотворение, скромно определённое автором как «дидактика».

Поэтическое вдохновение, по его словам, стоит соединять с реальным миром, с яркими чувствами, с любовью к Родине, с неподвластной разуму песней. Поэзия — вся здесь, рядом с нами и внутри нас, на грани видимого и невидимого. И в этом её загадка и великая сила.

Не заглядывай в бездну, поэт:
Жизнь земная — всего лишь минутка.
Расскажи, как цветёт незабудка,
Поднебесья вобравшая цвет.
<...>
Расскажи, как туманный рассвет
Режет крыльями дикая утка...
Не заглядывай в бездну, поэт:
Своеволье не стоит рассудка.

УВладимира Шемшученко очевидна драгоценная для нынешнего времени особенность таланта: он способен видеть предмет и картину как нечто целостное. Острота художественного зрения позволяет ему вглядываться в детали, не расчленяя действительность на мёртвые составные части, что с энтузиазмом душевнобольного делает сочинитель-постмодернист. Красота и смысл — не инструменты познания отчуждённого мира, а часть человека и царства, в которое он был некогда призван Создателем. Хочется верить — не по ошибке.